

## **«Слоненок» и «Альбатрос»: о бодлеровском подтексте стихотворения Гумилева**

---

Катерина Вячеславовна Брылева, Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва), kvbryl@mail.ru

---

DOI: 10.31857/S013161170009962-7

---

**АННОТАЦИЯ:** Последний сборник Н. С. Гумилева «Огненный столп» существенно отличается от его предыдущих книг, поскольку в этом сборнике Гумилев отчасти возвращается к символизму. В статье рассматривается один из возможных факторов, способствовавших повторному обращению Гумилева к некогда отвергнутому им направлению, — пристальное чтение «Цветов зла» Ш. Бодлера, переводом и изданием которых поэт занимался в 1919–1921 годах в рамках своей работы в издательстве «Мировая литература». Влияние Бодлера прослеживается на примере стихотворения «Слоненок»: автор анализирует его в связи с «Альбатросом» и другими стихотворениями Бодлера и делает вывод о том, что Гумилев заимствует у французского поэта не только конкретные мотивы, но и один из важнейших приемов его поэзии — взаимопроникновение «внешнего» и «внутреннего».

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Николай Гумилев, символизм, Шарль Бодлер, французская поэзия, подтекст

**для цитирования:** Брылева К. В. «Слоненок» и «Альбатрос»: о бодлеровском подтексте стихотворения Гумилева // Русская речь. 2020. № 3. С. 77–87.  
DOI: 10.31857/S013161170009962-7.

---

---

## The Language of Fiction

---

# “The Elephant” and “L’Albatros”: Baudelairian Subtext in Gumilev’s Poem

---

Katerina V. Bryleva, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow),  
kvbryl@mail.ru

---

**ABSTRACT:** Nikolai Gumilev’s last collection of poetry “The Pillar of Fire” differs greatly from his previous works. In the last poetry collection Gumilev partly comes back to symbolism, a literary school which he had once quitted. The article is devoted to one of the possible factors which made Gumilev return to symbolism, namely, close reading of Baudelaire’s “Flowers of Evil”, which Gumilev translated from 1919 to 1921 while working in the publishing house “Mirovaya literatura”. The article traces Baudelaire’s influence in Gumilev’s poem “The Elephant” and compares it with “L’Albatros” and other Baudelaire’s poems. The article proves that Gumilev borrowed from the French poet not only specific motives, but also one of Baudelairian most significant poetic devices — the interpenetration of “the external” and “the internal”.

**KEYWORDS:** Nicolai Gumilev, symbolism, Charles Baudelaire, french poetry, sub-text

**FOR CITATION:** Bryleva K. V. “The Elephant” and “L’Albatros”: Baudelairian Sub-text in Gumilev’s Poem. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 77–87. DOI: 10.31857/S013161170009962-7.

---

**П**оследний сборник Н. С. Гумилева «Огненный столп» отличается от его предыдущих книг целым рядом параметров. В чем заключается это отличие?

Общеизвестно, что стихи «Огненного столпа» считаются лучшим из всего написанного поэтом. Автор биографии Гумилева В. Шубинский характеризует стихотворения, которые вошли в этот сборник, следующим образом: «Летом 1919-го, после почти годового перерыва (раньше с ним такого не случалось!), Гумилев снова начинает писать стихи. Начинается его «акмэ». В течение нескольких месяцев он напишет ряд стихотворений, превосходящих все созданное им прежде» [Шубинский 2015: 594]. Однако это отличие в качестве — далеко не единственное, да и, пожалуй, не самое главное. Разбирая стихотворение «Память», вошедшее в книгу, Н. А. Богомолов показывает, что в «Огненном столпе» Гумилев отчасти возвращается к символизму, с которым когда-то так долго боролся, но при этом не отказывается полностью от акмеистических принципов: «На новом этапе, по-новому осмысленные, акмеистические образы обретают ту же бесконечно разворачиваемую во времени смысловую структуру, что и образы символистские» [Богомолов 1991: 20]. Более того, по мнению Богомолова, Гумилеву удастся сплавить между собой эти два направления, «непротиворечиво объединить их в рамках своего творческого метода, сделать взаимодополняющими» [Богомолов 1991: 20].

Увлечение Гумилева символизмом на ранних этапах его творчества известно, но чем обусловлено это возвращение к некогда отвергнутому направлению? Почему с 1919 года, как отмечают комментаторы десятилетнего собрания сочинений, «в художественный мир Гумилева вновь активно вторгается мистическая символика» [Баскер 2001: 233]? Р. Д. Тименчик отмечает, что во время работы над сборником «Огненный столп» для Гумилева оказывается актуальной поэзия Ш. Бодлера [Тименчик 1992: 56]. Быть может, именно перечтение Бодлера сыграло важную роль в «примирении» Гумилева с символизмом?

В тот период, на который пришлось творческое становление Гумилева, Бодлер был, безусловно, знаковой фигурой, прежде всего для русских символистов. Американский исследователь А. Ваннер, написавший книгу «Baudelaire in Russia», утверждает, что из всех французских поэтов, важных для русской литературы рубежа веков, Бодлер — наиболее значительный [Ваннер 1993: 25]. Автор «Соответствий» попадает в поле зрения Гумилева достаточно рано: в 1907 году он упоминается в стихотворении «Франция» [Гумилев 1991, т. 1: 340], имя его несколько раз встречается как в художественной прозе Гумилева («Африканский дневник» [Гумилев 1991, т. 2: 258], «Карты» [Гумилев 1991, т. 2: 251], «Путешествие в страну эфира» [Гумилев 1991, т. 2: 232]), так и в его статьях о литературе («Читатель» [Гумилев 1911, т. 3: 21], «Теофиль Готье» [Гумилев 1991, т. 3: 184], «Антология современной поэзии» [Гумилев 1991, т. 3: 190]).

Однако именно в 1919–1920 годах, когда пишется книга стихов «Огненный столп», поэзия Бодлера приобретает для Гумилева особое значение. В это время Гумилев часто соприкасается с поэзией автора «Соответствий» в рамках своей работы в издательстве «Мировая литература». Вот как суммирует этот опыт А. Ваннер: «В 1919 году издательство “Мировая литература”, которым руководил Горький, назначило Гумилева главным редактором планирующегося полного издания Бодлера. Гумилев перевел шестнадцать стихотворений, написал вступительную статью и отредактировал еще двадцать пять стихотворений, переведенных В. Коломийцевым, Н. А. Оцупом, В. А. Рождественским и другими. Он также попросил Александра Блока перевести предисловие<sup>1</sup> Бодлера к “Цветам зла” — это известно из записных книжек Блока. После ареста и расстрела Гумилева в качестве “контрреволюционера” в 1921 году издательство отказалось от проекта. К сожалению, по всей видимости, лишь четыре из бодлеровских переводов Гумилева уцелели»<sup>2</sup> [Wanner 1996: 175].

Гумилев занимается переводами Бодлера и пишет предисловие к сборнику в конце весны — начале лета 1919 года [Гумилев 1991, т. 3: 411–412], и постоянное соприкосновение с поэзией Бодлера начинает влиять и на другие области деятельности Гумилева: так, тем же летом 1919 года для семинара по переводу в рамках занятий «Студии всемирной литературы» он выбирает «Correspondances» Бодлера [Лукницкий 2010: 566].

Еще раз подчеркнем, что как раз в это время Гумилев возвращается к собственному творчеству после большого перерыва. Именно в течение этого лета Гумилев напишет многие стихотворения, которые впоследствии составят «Огненный столп»: «Память», «Слово», «Душа и тело», «Персидская миниатюра», «Лес» и другие [Гумилев 1991, т. 3: 412].

Имя Бодлера продолжает мелькать в жизни Гумилева как минимум до конца 1920 года: 18 декабря он организует в «Доме литераторов» вечер его памяти, на котором делает доклад о французском поэте и читает свои переводы [Гумилев 1991, т. 3: 420]. Можно предположить, что в докладе Гумилев высказывал примерно те же тезисы, что и в статье «Поэзия Бодлера», написанной в качестве предисловия для готовившегося издания переводов: в ней он называет Бодлера «одним из величайших поэтов XIX века» и использует по отношению к нему такие характеристики, как «исследователь» и «завоеватель», которые в какой-то мере применимы и к самому Гумилеву (ср. его экспедиции в Африку, а также первый сборник, в котором он идентифицирует себя с завоевателем-конкистадором): «Бодлер к поэзии отнесся, как исследователь, вошел в нее, как

<sup>1</sup> Речь идет о проектах предисловия, которые были опубликованы посмертно.

<sup>2</sup> Перевод мой. — К. Б.

завоеватель. Самый молодой из романтиков, явившийся, когда школа уже наметила свои вехи, он совершенно сознательно наметил себе еще не использованную почву и принялся за ее обработку, создав для этого специальные инструменты» [Гумилев 1991, т. 3: 203].

Итак, работая над переводами и статьей, Гумилев заново погружается в контекст бодлеровской поэзии, и его мнение о французском поэте обогащается новыми оттенками. Но можно ли сказать, что поэзия Бодлера оказывает влияние на гумилевское творчество? А. А. Ахматова (в передаче П. Н. Лукницкого) противопоставляет раннее, поверхностное влияние Бодлера на Гумилева — позднему, сущностному:

«В последние годы Николай Степанович снова испытывает влияние Бодлера, но уже другое, гораздо более тонкое. Если в 7–8 году его прельщали в стихах Бодлера экзотика, гиены и прочее; то теперь то, на что тогда он не обращал никакого внимания — более глубокие мысли и образы Бодлера. <...> То, что у Бодлера дается как сравнение, как образ — у Николая Степановича выплывает часто как данность... Это именно и есть влияние поэтическое, а не "эпигонское слизывание"...» [Лукницкий 1991: 230].

Ахматова также указывает на конкретные стихотворения Гумилева, в которых, по ее мнению, прослеживается влияние Бодлера. Однако зачастую записи Лукницкого отрывочны, лишены подробностей, и далеко не всегда понятно, в чем именно Ахматова усматривала сходство между стихотворениями французского и русского поэтов. Тем не менее в ряде случаев все же возможно формализовать то «бодлеровское», что слышалось поэте в нескольких стихотворениях «Огненного столпа». Я попробую показать это на примере стихотворения «Слоненок», в котором, на мой взгляд, прослеживается влияние знаменитого «Альбатроса» Бодлера. Это третье стихотворение бодлеровского сборника «Цветы зла». В статье В. В. Филичевой «К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева» приводится описание экземпляра «Цветов зла» с пометами Гумилева, и там это стихотворение «отмечено красным крестом <...> и 4-ая и последняя строфа отмечена чертой (простым карандашом)» [Филичева 2017: 448]. Следовательно, Гумилев точно очень пристально читал это стихотворение и особое его внимание привлекла последняя строфа. Приведем оба стихотворения.

### **Baudelaire, «L'Albatros»**

Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage  
Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers,  
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,  
Le navire glissant sur les gouffres amers.

À peine les ont-ils déposés sur les planches,  
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,  
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches  
Comme des avirons traîner à côté d'eux.

Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule!  
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid!  
L'un agace son bec avec un brûle-gueule,  
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait!

Le Poète est semblable au prince des nuées  
Qui hante la tempête et se rit de l'archer;  
Exilé sur le sol au milieu des huées,  
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.  
[Baudelaire 1900: 89]

Часто, чтобы позабавиться, моряки  
Ловят альбатросов, огромных птиц морей,  
Которые следуют, беспечные спутники,  
За кораблем, скользящим по горьким безднам.

Только они положат их на доски,  
Как эти короли лазури, неловкие и стыдливые,  
Позволяя своим большим белым крыльям жалко  
Тащиться за ними, как весла.

Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!  
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!  
Один дразнит его клюв трубкой,  
Другой изображает, хромая, калеку, который летал!

Поэт похож на принца облаков,  
Который знает с бурей и смеется над лучником;  
Изгнанному на землю, среди шиканья/свиста,  
Его гигантские крылья мешают ему ходить<sup>3</sup>.

### Гумилев «Слоненок»

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,  
Родившийся в Берлине иль Париже  
И топающий ватными ступнями  
По комнатам хозяина зверинца.

---

<sup>3</sup> Здесь и далее подстрочный перевод мой.

Не предлагай ему французских булок,  
Не предлагай ему кочней капустных,  
Он может съесть лишь дольку мандарина,  
Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке  
Он сделается посмеяньем черни,  
Чтоб в нос ему пускали дым сигары  
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,  
Когда, взбесившись, разорвет он цепи,  
И побежит по улицам, и будет,  
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро  
В парче и меди, в страусовых перьях,  
Как тот, Великолепный, что когда-то  
Нес к трепетному Риму Ганнибала.  
[Гумилев 1991, т. 1: 297]

В стихотворении Бодлера говорится об альбатросе, но в последней строфе оказывается, что это метафора и речь на самом деле о поэте. Сравним со стихотворением Гумилева «Слоненок»: в нем образ большого животного также предстает метафорой (метафорой любви). Совпадают также и некоторые детали. Во-первых, люди дразнят дымом сигары (или трубки, как у Бодлера) животное, попавшее в неволю, и насмехаются над ним:

Бодлер:  
Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!  
Он, недавно такой красивый, как он смешон<sup>4</sup> и уродлив!  
*Один дразнит его клюв трубкой,*  
*Другой изображает, хромая, калеку, который летал!*

Гумилев:  
Не плачь, о нежная, что в тесной клетке  
Он сделается посмеяньем черни,  
*Чтоб в нос ему пускали дым сигары*  
Приказчики под хохот мидинеток.

<sup>4</sup> Здесь и далее курсив в цитатах мой. — К. Б.

Во-вторых, подчеркивается униженное состояние животного в неволе, ведь оно слишком большое, чтобы ее легко переносить:

Бодлер:

Только они положат их на доски,  
Как эти короли лазури, *неловкие и стыдливые*,  
Позволяют своим большим белым крыльям *жалко*  
Тащиться за ними, как весла.

Этот крылатый путешественник, как он *неуклюж и слаб!*  
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!  
Один дразнит его клюв трубкой,  
Другой изображает, хромая, *калеку*, который летал!  
<...>

Его *гигантские крылья мешают* ему ходить.

Гумилев:

- а) И топающий *ватными* ступнями  
По комнатам хозяина зверинца.
- б) Не плачь, о нежная, что в *тесной* клетке  
Он делается посмеяньем черни...

В-третьих, по контрасту в обоих текстах представлено описание животного в тот момент, когда оно находится на своем месте: у Бодлера это состояние свободы («короли лазури», «недавно такой красивый», «принц облаков»), у Гумилева величественность подчеркивается через роскошь: «В парче и меди, в страусовых перьях» — и упоминание великого полководца. Наконец, косвенным свидетельством связи стихотворения Гумилева с французской поэзией может быть последовательно проведенная в нем тема Франции: упоминаются Париж, французские булki, мидинетки.

Однако, на мой взгляд, стихотворение «Слоненок» связывает с поэзией Бодлера нечто большее, чем только мотивные переключки. Вот как анализирует его Ахматова:

«АА перешла к Бодлеру, опять. Сказала мне, чтоб я прочитал тут же 2 и 3 “Spleen” (стр. 199, 201). Я читал, переводил. АА нашла в них сходство: во 2-м — со стихотворением “Слоненок” (развитие сравнения — целое стихотворение. У Бодлера: он — *gros meuble, cimetièrre*, и т. д. У Н. С. — любовь — “слоненок”. А в черновике “Слоненка” еще больше сходства, потому что там не одно только сравнение “любовь-слоненок”, а “любовь-слоненок-лебедь”... т. е. несколько сравнений, как у Бодлера)» [Лукницкий 1991: 281].

Мне кажется, здесь можно говорить скорее не о непосредственной связи «Слоненка» со стихотворением «Spleen» («J'ai plus de souvenirs que si j'avais mille ans...»), но о заимствовании характерного для Бодлера приема — сравнения чего-то максимально абстрактного (любовь) с чем-то материальным (слоненок), причем второе обычно описывается очень подробно. Е. Г. Эткинд анализирует это явление в категориях «внешнее» — «внутреннее»: «Одно из важнейших свойств Бодлера — это вызывающе-намеренное изображение эмоционального, духовного, то есть Внутреннего, в качестве физически зримых, осязаемых предметов или существ, обладающих безусловностью материального существования» [Эткинд 1974: 192]. Приведем несколько примеров такого рода:

Deux guerriers ont couru l'un sur l'autre; leurs armes  
Ont éclaboussé l'air de lueurs et de sang.  
Ces jeux, ces cliquetis du fer sont les vacarmes  
D'une jeunesse en proie à l'amour vagissant.  
(Duellum) [Baudelaire 1900: 136]

Два воителя гнались друг за другом; их оружие  
Испещрило воздух отблесками и кровью.  
Эти игры, это бряцание железа — шум  
Молодости, мучимой кричащей любовью.

Notre âme est un trois-mâts cherchant son Icarie.  
(Voyage) [Baudelaire 1900: 345]

Наша душа — трехмачтовое судно, ищущее свою Икарию.

Mon cœur est un palais flétri par la cohue.  
(Causerie) [Baudelaire 1900: 171]

Мое сердце — дворец, выцветший от толкотни.

Mon âme est un tombeau que, mauvais cénobite,  
Depuis l'éternité je parcours et j'habite;  
Rien n'embellit les murs de ce cloître odieux.  
(Le mauvais moine) [Baudelaire 1900: 100]

Моя душа — гробница, где, плохой монах,  
Я живу и хожу уже целую вечность;  
Ничто не украшает стены этого отвратительного монастыря.

Таким образом, в стихотворении «Слоненок» Гумилев заимствует не только образ несчастного животного, которое содержат в неволе, но и важный элемент бодлеровской поэтики. Вероятно, именно это имела в виду Ахматова, когда говорила о более «тонком» влиянии Бодлера на Гумилева в последние годы. Сравнив между собой «Огненный столп» и «Цветы зла», она предположила, что «в последние годы Николай Степанович читал Бодлера вплотную» [Лукницкий 1991: 230]. Сейчас мы знаем, что это точно так — ведь Гумилеву приходилось постоянно соприкасаться со стихами Бодлера в процессе работы над изданием для «Всемирной литературы». И вероятно, это «чтение вплотную» стало одной из ступеней на пути к тому, что, следуя Богомолову, можно назвать гумилевским «возвращением к символизму».

## Источники

*Baudelaire Ch.* Les Fleurs du mal. Paris: Calmann Lévy, 1900. 411 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991. 590 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Драммы; Рассказы. М.: Худож. лит., 1991. 478 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии. М.: Худож. лит., 1991. 430 с.

Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Том I. 1924–25 гг. Paris: Ymca-Press, 1991. 350 с.

Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. 890 с.

---

## Литература

Баскер М. и др. Комментарии // Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. 394 с.

Богомолов Н. А. Читатель книг // Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991. С. 5–20.

Ваннер А. Бодлер в русской культуре конца XIX — начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 24–49.

Тименчик Р. Д. Гумилев Н. С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 53–57.

Филичева В. В. К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб.: Пушкинский дом, 2017. С. 405–450.

- Шубинский В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.
- Эткинд Е. Г. О внешнем и внутреннем пространстве в поэзии Бодлера // Стилистические проблемы французской литературы. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 189–208.
- Wanner A. Baudelaire in Russia. Gainesville: University Press of Florida, 1996. 253 с.

---

## References

- Basker M. and others. [Commentaries]. Gumilev N. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. T. 4. Stikhotvoreniya. Poemy (1918–1921)* [Collected works in 10 vols. Vol. 4. Poems (1918–1921)]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2001. 394 p.
- Bogomolov N. A. [Books' reader]. Gumilev N. *Sochineniya. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya; Poemy.* [Works. In 3 vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1991, pp. 5–20. (In Russ.)
- Etkind E. G. [External and internal space in Baudelaire's poetry]. *Stilisticheskie problemy frantsuzskoi literatury* [Stylistic problems of French literature]. Leningrad, Leningr. Stat. Pedag. Inst. Publ., 1974, pp. 189–208. (In Russ.)
- Filicheva V. V. [Reconstruction and description of F. Sologub's and N. S. Gumilev's libraries]. *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chteniya k strategiyam pis'ma)* [What and how read Russian classical writers? (From the reading circle to writing strategies)]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017, pp. 405–450. (In Russ.)
- Shubinskii V. *Zodchii. Zhizn' Nikolaya Gumileva* [Architect. Nicolai Gumilev's life]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2015. 736 p.
- Timenchik R. D. [Gumilev N. S.]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographic dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 53–57. (In Russ.)
- Vanner A. [Baudelaire in Russian culture at the end of 19th century – at the beginning of 20th century]. *Russkaya literatura XX veka: Issledovaniya amerikanskikh uchenykh* [Russian literature in 20th century. Works of American researchers]. St. Petersburg, Petro-RIF Publ., 1993, pp. 24–49. (In Russ.)
- Wanner A. *Baudelaire in Russia*. Gainesville, University Press of Florida, 1996. 253 p.